

Кулназаров А.К., Борсонов А.Р.

ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ КЫРГЫЗСКОГО ЭТНОСА

А.К. Kulnazarov, A.R. Borsonov

THE FOUNDATIONS OF CULTURAL ADAPTATION
OF THE KYRGYZ ETHNIC GROUP

УДК:316.1:130.2(575.2)(043.3)

В данной статье анализируются основы культурной адаптации кыргызов.

In this article be analyzing culture adaptation of Kyrgyz people.

Кыргызы за всю свою долгую историю практически всегда были малочисленным народом, что, конечно, определенным образом влияло на их адаптационные способности и практику. Немногочисленность кыргызских родов вынуждала их искать защиты от своих более многочисленных и могущественных соседей в складках местности. Естественно, горы в этом отношении были наиболее удобным ландшафтом, в котором молено было легко укрыться, спрятаться от преследователей. Академик А.Ч. Какеев пишет по поводу жизни кочевников в горах следующую интересную для нашего исследования мысль: "Кочевой образ жизни, связанный с горами, можно рассматривать как особый тип сложной, самоорганизующейся эволюционной системы "человек и горы". Горы являются не только необходимым условием жизни кочевника, но и могут оказывать воздействие, по утверждению Ш. Монтескье, как на формы правления, так и на мышление номада. С точки зрения теории систем кочевое общество, возникшее в горах, может включать в себя автономные элементы в виде отдельных сообществ в межгорных впадинах и в то же время быть составной частью другой системы или сетевой структуры, например, этнической, суперэтнической, такой, как тюркская, или более широкой общности, такой как советский народ, - с ними имеется бесконечно разнообразная форма связи, осуществляющаяся на всех уровнях. В горных условиях человек, чтобы выжить, вынужден непрерывно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Эта особенность в определенной степени, думается, лежит в основе самобытной духовной культуры кыргызов, связанной с быстрой адаптацией"¹.

Данная мысль, в которой, по сути, утверждается высокая адаптивная способность кыргызского этноса, находится в определенном противоречии с предшествующими нашими выводами и утверждениями о том, что кыргызам, главным образом в силу их кочевого образа жизни, было свойственно замыкаться почти целиком на интересах собственной общины и, как следствие, на собственной культуре, что позволяло им сохранять длительное историческое

время собственную культурную самобытность, но, с другой стороны, несомненно, понижало их адаптивные способности во всем, что касалось культурной адаптации. Данное противоречие легко преодолевается, если мы будем иметь в виду, что в реальной жизни, как и в культуре в целом, могут наблюдаться множество тенденций, в том числе прямо противоположных. Что касается кыргызского этноса, а вернее, его адаптивных способностей, то здесь мы можем наблюдать две противоположные, однако не взаимоисключающие тенденции, первая из которых была обусловлена естественной склонностью и стремлением наших предков сохранить собственные общины, а с ней и культуры, которая выступала своеобразным инструментом для выживания. Вторая тенденция была связана с необходимостью встраиваться в естественную природную и искусственную социальную среды, причем под последней в данном случае имеется в виду внешняя, иная, чужеродная этническая среда. И эта необходимость, несомненно, способствовала возникновению и развитию определенных адаптивных способностей кыргызского этноса. А.Ч. Какеев, конечно, прав, утверждая, что "кочевое общество, возникшее в горах, может включать в себя автономные элементы... и в то же время быть составной частью другой системы или сетевой структуры,... - с ними имеется бесконечно разнообразная форма связи, осуществляющаяся на всех уровнях". И он также прав, утверждая, что в горных условиях "человек, чтобы выжить, вынужден непрерывно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям. Эта особенность в определенной степени,... лежит в основе самобытной духовной культуры кыргызов, связанной с быстрой адаптацией".

Природная среда, в которую необходимо было вписываться, действительно способствовала развитию адаптивных способностей кыргызов. И поскольку данная среда отличалась относительным разнообразием, обусловленным вертикальной климатической и ландшафтной градацией или, другими словами, сложным горным рельефом, то она усиливала адаптивные способности кыргызов, причем, по всей видимости, определенным образом и социально-культурные адаптивные черты.

"Если на Западе и в относительной степени на Востоке, - пишет М.Ж. Жумагулов, - человек с самого начала своего существования стремился к господству над природой, то на том отрезке пространства, где простираются степи и горы, человек изначально избегает вмешательства в

¹ Какеев А.Ч. О философии гор // Горы Кыргызстана. - Бишкек, 2001. - С. 26.

природные процессы, более того, он ... считал ее первоначалом своего бытия"².

Другими словами, кыргызы в отношениях с природой придерживались абсолютно адаптационного принципа, т.е. они всегда встраивались в природную среду и поэтому, естественно, ни в индивидуальном, ни в массовом кыргызском сознании не могла возникнуть идея господства над природой.

Конечно, социально-культурная адаптация и адаптация к природной среде далеко не тождественны друг другу, они относятся к явлениям разного качества и порядка. Однако, как нам представляется, между ними существует определенная внутренняя связь. И в том и в другом случае процесс адаптации опирается на определенный тип субъекта, который, вписываясь либо в природную, либо в социально-культурную среду, адаптируется более или менее успешно, в зависимости от предшествующего опыта, объема, характера и качества знаний, степени и характера внешнего давления, темперамента, степени привязанности к собственным культурным корням и ценностям и т.д. Умение субъекта быстро и безболезненно вписываться в определенные природные условия предполагает его способность вписываться относительно быстро и безболезненно, приспосабливаться и к определенным социально-культурным условиям, если эти условия, конечно, не содержат в себе угрозы для его благополучия и жизни. Однако "предполагает" не означает еще, что данная способность к адаптации получит развитие и будет непременно реализована. Здесь многое зависит от конкретных исторических условий, в которых возник и в дальнейшем развивался этнос.

В качестве важнейшего фактора, влияющего на адаптивные способности этноса, следует рассматривать его этногенез, корневую систему, истоки.

Целесообразность, совместный опыт выживания, отпор внешним угрозам, хозяйственная деятельность - все это вместе образовывало единую социо-природную среду, в которой в течение определенного исторического срока происходил процесс аккультурации и образования единой синтетической культуры, в которой система кровнородственных связей в условиях кочевой формы жизни обладала наибольшей прочностью, устойчивостью и надежностью и по этой причине становилась структурообразующей и психологически доминирующей. В таких условиях целесообразность и политическая мотивация, находясь под бременем повседневной жизни, в конце концов вытеснялись в массовой психологии идеями и привычкой мыслить себя в определенной системе родства.

Ч. Валиханов отмечал в свое время, что часто причины образования кыргызских родов и родовых союзов имели политический характер, однако, вопреки политическим реалиям, кыргызы при этом "названия своих родов объясняют именами

родоначальников, предков", так что "каждое племя присоединившихся принимается за нечто неделимое..." и "принимает значение генеалогическое"³.

Стремление и умение кыргызов сводить всю богатую социально-политическую действительность к единому знаменателю в виде генеалогической системы связей были обусловлены той простой и очевидной причиной, что род выступал не только основой жизни для каждого члена общины, но и ее условием. Каждый индивид чувствовал себя защищенным, лишь ощущая и осознавая свою принадлежность к определенному роду. Прочность бытия, его надежность, предсказуемость и даже благосклонность была, по сути, тождественна надежности, предсказуемости и благосклонности рода к каждому конкретному индивиду, который мог полагаться на помощь родственников не только в трудные минуты, но и в повседневной жизни. В системе социумов, обладавших низкими производственными возможностями, но при этом находившимися в условиях конкурентного сосуществования, каждый индивид, независимо от его личных качеств, воспринимался в первую очередь как представитель того или иного рода. Естественно, в таких условиях реальный уровень и характер идентичности определялся системой межродовых или межплеменных отношений, и поэтому, говоря словами Н.И. Гродекова, "расспрос о роде являлся чем-то вроде удостоверения личности"⁴. По сути, абсолютная зависимость индивида от рода была весьма благоприятной почвой для развития духа коллективизма и коллективистской психологии. Индивидуализм, разрушающий общину изнутри, никоим образом не мог поощряться коллективом, в котором все его члены находились в определенной зависимости друг от друга. В сущности, любая община представляла собой коллективного индивида, поскольку только в таком качестве могла обеспечить сохранение как самой себя в целом, так и каждого отдельного ее члена.

Кочевники, будучи не склонными и не приспособленными к преобразованию окружающей природной среды, вынуждены были, как уже указывалось выше, адаптироваться к ней, что, конечно, увеличивало адаптивные способности как кочевых сообществ, так и каждого отдельно взятого ее члена. Что касается конкретно кыргызского этноса, то горный ландшафт с его переменным климатом, суровыми условиями, как мы выяснили ранее, еще более способствовал усилению адаптивных способностей кыргызов, что, по всей видимости, положительным образом сказывалось и их способности к психологической адаптации, когда речь шла не о природной, а о социокультурной реальности. С другой стороны, усилению и

³ Валиханов Ч. Кыргызское родословие // Собр. соч. в 5-ти т. - Т. 1. - Алма-Ата, 1961. - С. 205.

⁴ Гродеков Н.И. Кыргызы и кара-кыргызы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. - Т. 1. - Ташкент, 1889. - С.27

² Жумагулов М. Указ. соч. - С. 12.

расширении адаптивных способностей кыргызов способствовала некоторые исторические обстоятельства, проявившиеся в необходимости и реальных фактах вовлечения кыргызские кочевые роды и племена на стадии их возникновения и формирования инородных общностей Этническая неоднородность кыргызская традиционного общества, несомненно, способствовала развитию: среди кыргызов такого качества, как толерантность, которая является одним из ярких и убедительных показателей высокой адаптивности кыргызов к социокультурной реальности.

Кыргызы за свою длительную историю пролп через множество войн, о чем свидетельствуют, в чагг-ности, многие героические эпосы кыргызского катода. И в таких условиях практически невозможно были выжить во враждебном окружении, не развивая в себе при этом такое качество, как воинственность, которая, как и толерантность, проявлялись в зависимости от внешних условий, конкретных обстоятельств. Однако история сложилась таким образом, что кыргызы по тем или иным причинам, большая часть которых в данном параграфе уже упоминалась, вынуждены были, как и многие другие народы, чаще замыкаться на собственных социумах в виде родов и племен.

Хозяйственно, психологически и культурно автономное, самодостаточное, кыргызское традиционное общество было замкнуто не только в определенном физическом пространстве, ограниченном территорией его проживания, но и культурном. Одной из важных, сущностных черт данного культурного пространства было то, что в силу абсолютного хозяйственного консерватизма кочевой общины, ее чрезвычайно низкого инновационного потенциала время в нем на уровне психологического восприятия субъектов воспринималось не как линейное, т.е. текущее от прошлого к будущему через настоящее, а циклично, т.е. постоянно возвращаясь к некоторой условной исходной точке. При таком течении времени само культурное пространство тоже как бы вращалось вокруг одной и той же точки, не подвергаясь сколько-нибудь значительным трансформациям и сохраняя таким образом свое постоянство. А под нечто постоянное, как известно, однажды приспособившись к нему, уже не нужно приспособляться дважды. Надо только строго следовать раз усвоенным правилам и привычкам, что, конечно, резко снижало адаптационный потенциал как кочевого сообщества в целом, так и его каждого отдельно взятого члена. При спонтанном характере контактов с внешним миром в лице других народов и культур, а также при наличии, по сути, лишь одного средства коммуникации внутри общины и передачи коллективного опыта, которым являлась устная речь, опыт и жизненная мудрость конкретный индивид мог приобрести только со временем. При таком раскладе продолжительность жизни, естественно, выступала главным условием обретения и накопления опыта и социально значимой информации, а с ними и в

определенной мере социального статуса и престижа индивида, что достаточно убедительно и ярко отражено в пословицах и поговорках кыргызского народа. Но также народная мудрость изрекает: "Кары канча карыса да, карышкырга амал табат" ("Старый человек всегда опытен", "Старый волк знает толк"); "Карысы бар уйдун (карааны чоц) ырысы бар"; "Кепту корген карылар, куйма кулак сарылар" ("Много выдавшие старики - памятливые знатоки")⁵.

Кыргызское традиционное общество было достаточно развитым, чтобы на определенном этапе собственной эволюции отойти от принципов геронтократии, поскольку они не могли быть достаточно эффективными в обществе с относительно Высоким уровнем разделения общественного труда и социально-имущественной дифференциации. С другой стороны, кыргызское традиционное общество так и не поднялось выше раннеклассовых общественно-экономических отношений, что наряду с другими причинами обусловило его низкий адаптационный потенциал и чрезвычайно высокую степень консерватизма, благодаря которому и в жизни современного кыргызского общества обнаруживаются элементы традиционализма.

Литературы:

1. Абдрасулов С.М. Введение в философию кочевников, или опыт философского осмысления культурных оснований кыргызов//Республика, 1995. 10 октября.
2. Азроянц Э.А. Глобализация: Катастрофа или путь к развитию? М., 2002.
3. Акмолдоева Ш.Б. Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса "Манас". - Бишкек, 1996.
4. Акмолдоева Ш.Б. Манас - фактор этнической культуры кыргызов//Известия НАН КР "Эхо науки", 1996. - № 3.
5. Большой толковый словарь русского языка. Под ред. Кузнецов С.А. - СПб, 1998.
6. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. - М., 1992.
7. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М., 1983.
8. Брудный А.А., Койчубев Т.К. Независимый Кыргызстан: третий путь. - Бишкек, 1993.
9. БрукС.И. Население мира. Этнографический справочник. - М., 1986.
10. Булгаков С.Н. Соч. в 2-х т. - М., 1993. - Т. 1.
11. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество. - М., 1999.
12. Валиханов Ч. Киргизское родословие // Собр. соч. в 5-ти т. - Т. 1. - Алма-Ата, 1961.
13. Валиханов Ч. Собр. соч. в 5 т. - Алма-Ата, 1961- 1965.- Т. 2.
14. Вебер А. К вопросу о социологии государства и культуры //Культурологии. XX век: Антология. - М., 1995.
15. Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: Истоки, тенденции, перспективы // Полис, 1999 - №5.
16. Мукасов С.М. Традиции социально-философской мысли в духовной культуре кыргызского народа. - Бишкек: Илим, 1999.

⁵ См.: Таджиева Г.М., Курмаибекова А.А. Семена, посеянные мудростью. Сборник кыргызско-русских пословиц, поговорок и изречений. – Б., 1996. - С. 102-103.

17. Мукасов Ы. Из истории философской мысли кыргызского народа. - Бишкек, 2003.
18. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. - М., 1999.
19. Нарынбаев А.И. Избранные произведения / отв. Ред. А. Бекбоев; НАН Кыргызской Республики, Институт философии и права. - Бишкек, 2004.
20. Нейтрализация негативных издержек трайбализма// Национальный отчет Кыргызской Республики по человеческому развитию за 1997 год. - Бишкек, 1997.
21. Урманбетова Ж.К. Мышление кыргызов в проекции философии истории. - Бишкек, 1997.
22. Урманбетова Ж.К. Культура кыргызов в проекции философии истории. - Бишкек, 1997.

Рецензент д. филос.н., профессор Шарипова Э.К.
